

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган. Слезинки в красном вине

Франсуаза Саган. Немного солнца в холодной воде

Франсуаза Саган. Шелковые глаза

Франсуаза Саган. Любите ли вы Брамса?

Франсуаза Саган. Смутная улыбка

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Рэй Брэдбери. Летнее утро, летняя ночь

Рэй Брэдбери. Лекарство от меланхолии

Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков

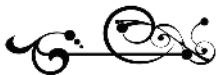
Гастон Леру. Призрак Оперы

Агата Кристи. Десять негритят

Гийом Мюссо. После...

Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи

ФРАНСУАЗА
САГАН

Смутная улыбка

Москва
2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
UN CERTAIN SOURIRE

Copyright © Editions Julliard, Paris 1956

Перевод с французского *А. Борисовой*

Оформление серии *Е. Анисиной*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Anna Ismagilova / Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использован элемент дизайна:
ba777 / Shutterstock.com

В оформлении фона обложки использована иллюстрация:
Natalyon / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Саган, Франсуаза.

С13 Смутная улыбка : [роман] / Франсуаза Саган ;
[пер. с фр. А. К. Борисовой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 192 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-94224-4

Книги Саган подобны изысканным картинам, написан-
ным неброскими, приглушенными красками. Здесь нет кри-
чащего красного или вызывающего зеленого. Но вместе эти
полутона создают насыщенное, запоминающееся полотно.

Таков и роман «Смутная улыбка» — изысканный, изящ-
ный, трогательный, он передает мельчайшие полутона
чувств, вызывая печаль и улыбку, трепет и упоение.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Борисова А., перевод на русский язык, 2017
ISBN 978-5-699-94224-4 © Оформление. 000 «Издательство «Э», 2017

Любовь — это то,
что происходит между двумя людьми,
которые любят друг друга.

Роже Вайан

Часть первая

Глава 1

После двенадцати мы сидели в кафе на улице Сен-Жак, это был обычный весенний день, такой же, как все. Я немного скучала, потихоньку; пока Бертран обсуждал лекцию Спайра, я бродила от проигрывателя к окну. Помню, облокотившись на проигрыватель, я засмотрелась на пластинку, как она медленно поднимается, потом ложится на сапфировое сукно, прикасаясь к нему нежно, будто щека к щеке. И, не знаю почему, меня охватило сильное ощущение счастья: в тот момент я вдруг физически остро почувствовала, что когда-нибудь умру, и рука моя уже не будет опираться на этот хромированный бортик, и солнце уже не будет смотреть в мои глаза.

Я обернулась к Бертрону. Он смотрел на меня и, увидев мою улыбку, встал. Он и мысли не допускал, что я могу быть счастлива без него. Я имела право на счастье только в те минуты, которые были важными для нашей совместной жизни. Я уже начала понимать это, но в тот день мне это было невыносимо — и я отвернулась. Рояль и кларнет, чередуясь, выводили «Покинутый и любимый», мне был знаком каждый звук.

Я встретила Бертрона в прошлом году, во время экзаменов. Мы провели бок о бок беспокойную неделю, пока я не уехала на лето к родителям. В последний вечер он меня поцеловал. Потом он мне писал. Сначала о пустяках. Затем тон его изменился. Я следила за этими изменениями не без некоторого волнения, и когда он написал мне: «Смешно так говорить, но, кажется, я люблю тебя», — я не солгала, ответив ему в том же тоне: «И правда смешно, но я тоже тебя люблю». Это вышло как-то само со-

бой, вернее, внешне было созвучно тому, что написал мне он. В доме моих родителей, на берегу Ионны, было не очень весело. Я ходила на высокий берег и, глядя на скопище желтых водорослей, на их колыхание, начинала бросать шелковистые, обкатанные камешки, черные и стремительные на глади волн, как ласточки. Все лето я про себя повторяла «Бертран», думая о будущем. В конце концов, договориться о взаимной страсти в письме было вполне в моем духе.

И вот теперь Бертран стоял позади меня. Он протягивал мне стакан. Я обернулась, и мы оказались лицом к лицу. Он всегда немного обижался на то, что я не принимала участия в их спорах. Я любила читать, но говорить о литературе мне было скучно.

Он никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты всегда ставишь одну и ту же мелодию. И знаешь, я ее очень люблю.

Последнее он постарался сказать равнодушно, и я вспомнила, что первый раз мы слушали эту пластинку вместе. Я постоянно обнаруживала в нем ростки сентиментальности — он помнил какие-то вещи, служившие вехами в нашей связи, которые моя память не сохранила. «Ведь он ничего не значит для меня, — вдруг подумала я, — мне скучно, я ко всему равнодушна, ничего не ощущаю, ровным счетом ничего». И снова чувство какого-то бессмысленного возбуждения подступило к горлу.

— Мне нужно повидать моего дядю-путешественника, — сказал Бертран. — Ты пойдешь?

Он прошел мимо меня, и я последовала за ним. Я не знала дядю-путешественника и не испытывала ни малейшего желания его узнать. Но что-то заставляло меня идти за этим молодым человеком, глядя на его чисто выбритый затылок, соглашаться, не

сопротивляясь, а тем временем в голове моей проносились обрывки мыслей, холодные и ускользающие, как маленькие рыбки. Впрочем, я чувствовала к Бертрану нежность. Мы шли с ним по бульвару, звуки наших шагов сливались так же, как ночью сливались наши тела; он держал меня за руку; мы были такие изящные, так хорошо смотрелись, как на картинке.

Пока мы шли по бульвару и стояли на площадке автобуса, который вез нас к дяде-путешественнику, я любила Бертрана. Из-за тряски меня бросало к нему, он смеялся и обнимал меня, защищая от толчков. Я прислонилась к нему, к его плечу, к мужскому плечу, такому удобному, чтобы положить на него голову. Я вдыхала его запах, он был мне хорошо знаком, он волновал меня. Бертран был моим первым любовником. Это благодаря ему я узнала, как пахнет мое собственное тело. Так всегда, благодаря телу другого мы узнаем собственное, его

длину, запах, сначала с недоверием, потом с признательностью.

Бертран говорил мне о своем дяде-путешественнике, которого он, видимо, не любил. Он рассказывал о его поездках так, будто это была сплошная комедия; Бертран постоянно выискивал комедии в чужих жизнях, так что начал побаиваться, не разыгрывает ли комедию и он, сам того не замечая. Мне это казалось комичным. Его это приводило в ярость.

Дядя-путешественник ждал Бертрана на террасе кафе. Когда я заметила его, то сказала Бертрану, что он весьма недурен. Но мы уже подошли к нему, он поднялся.

— Люк, — сказал Бертран, — я пришел с подругой, это Доминика. Это мой дядя Люк — путешественник.

Я была приятно удивлена. Я подумала: «Очень даже ничего этот дядя-путешественник». У него были серые глаза, лицо

усталое, пожалуй, грустное. Он был по-своему красив.

— Как прошла последняя поездка? — спросил Бертран.

— Отвратительно. В Бостоне пришлось заниматься скучнейшим делом о наследстве. Всякие заплесневелые адвокаты суют носы во все углы. Очень надоело. А что у тебя?

— У нас через два месяца экзамены, — сказал Бертран.

Слова «у нас» он подчеркнул. В этом была супружеская сторона Сорбонны: говорить об экзаменах, как о грудном младенце.

Дядя повернулся ко мне:

— Вы тоже сдаете экзамены?

— Да, — сказала я неопределенно. (Моя деятельность всегда заставляла меня испытывать некоторый стыд.)

— У меня кончились сигареты, — сказал Бертран.

Он встал, и я проследила за ним взглядом. Он шел быстро, упругой походкой. Когда я порой думала, что весь этот набор мускулов, рефлексов, матовой кожи принадлежит мне, то всегда считала это удивительным подарком.

— Чем вы занимаетесь кроме экзаменов? — спросил дядя.

— Ничем, — ответила я. — Всякой ерундой. — Я вяло махнула рукой.

Он поймал мою руку на лету. Я смотрела на него озадаченная. В голове моей произошло: «Он мне нравится. Немного староват, и он мне нравится». Но он опустил мою руку на стол и улыбнулся:

— У вас все пальцы перепачканы чернилами. Это хороший признак. Вы успешно сдадите экзамены и будете блестящим адвокатом, хотя по вашему виду не скажешь, что вы разговорчивы.

Я засмеялась вместе с ним. Мне захотелось, чтобы он стал моим другом.

Но тут вернулся Бертран; Люк заговорил с ним. Я не вслушивалась в их разговор. Люк говорил медленно, у него были большие руки. Я подумала: «Типичный соблазнитель юных девиц моего склада». Я насторожилась. Не настолько, впрочем, чтобы не почувствовать легкого укола, когда он предложил нам позавтракать через день всем вместе, но уже с его женой.

Глава 2

Два дня до этого завтрака у Люка прошли довольно скучно. Да и в самом деле, что мне было делать? Готовиться к экзамену, от которого я не ждала ничего особенного, валяться на солнце, заниматься любовью с Бертраном без особенной взаимности с моей стороны? Я, впрочем, любила его. Доверие, нежность, уважение — я не пренебрегала всем этим, мало думая о страсти. Такое отсутствие подлинных чувств каза-